

мочий советского парламента, причем такие случаи практически не пресекались. Подобная практика привела к растворению законов в бесчисленном множестве подзаконных нормативных актов, к нивелированию значимости законов.

Такое положение соответствовало политической практике того периода. При этом в советской научной литературе решительно высказывалось не лишнее веских оснований мнение о необходимости более точного, ограничительного употребления рассматриваемого понятия¹.

В современных условиях роль законов существенно изменилась, возросли их авторитет и доля в общем массиве нормативных актов, а в соответствии с действующей Конституцией России федеральные законы обладают верховенством.

Косолапова Наталья Александровна,
старший преподаватель кафедры
конституционного и муниципального права
Юридического института НИУ «БелГУ»,
кандидат юридических наук
(Белгород, Россия)

СТАТУС КОНСТИТУЦИОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

«Вопрос о них (институтах субъективных публичных прав и обязанностей) встает применительно к различным категориям лиц, занятых в сферах публично-правовой деятельности, таких как парламентская деятельность, судопроизводство, местное самоуправление, государственная служба, муниципальная служба и др. Выполняя государственные функции и задачи, эти лица обладают должностными статусами, замещая государственные и муниципальные должности. При этом должностные лица действуют как уполномоченные и обязанные субъекты, осуществляя соответствующие полномочия по должности. Однако их действия по осуществлению полномочий не предполагают использование формы субъективного права...»

(Г.В. Мальцев²)

¹ Злобин А. В., Рысина Е. П. Законы и подзаконные акты в системе нормативных правовых актов Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 3. С. 219–221; Бошно С. В. Закон в системе нормативных правовых актов современной России // Научные труды. Выпуск 5. В трех томах. Том 1 / Российская академия юридических наук. С. 44; Муромцев Г. И. Правовая политика: вопросы методологии // Научные труды. Выпуск 5. В трех томах. Том 1 / Российская академия юридических наук. С. 195.

² Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 427.

Конституционное судопроизводство является одним из видов судопроизводства, который предусмотрен ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации¹ наряду с гражданским, административным и уголовным судопроизводствами. В ст. 1 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации» определено, что Конституционный Суд является судебным органом конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющим судебную власть посредством конституционного судопроизводства².

В зарубежной практике регулирование порядка конституционного судопроизводства, как и порядка классических судопроизводств также отнесено к компетенции законодателя, в большинстве случаев органического.

Например, ч. 2 ст. 94 Основного закона ФРГ гласит: «Федеральный закон определяет устройство Федерального конституционного суда и порядок судопроизводства...»³.

Аналогичным образом ст. 165 Конституции Испании закрепляет, что «Органический закон устанавливает функционирование Конституционного трибунала, статус его членов, процедуру и условия осуществления исков».

Статья 63. Конституции Франции также предусматривает, что регламентация конституционного судопроизводства и регулирование различных аспектов функционирования судов общей юрисдикции относится к компетенции органического законодателя (ч. 3 ст. 64).

Статьей 176 Конституции Польши установлено, что судопроизводство является по меньшей мере двухинстанционным; при этом устройство и компетенция судов, а также порядок судопроизводства определяются законами.

Таким образом, несмотря на встречающееся в литературе утверждение о существовании организационной автономии судов, следует отметить, что сама учредительная власть установила законодательную регламентацию конституционного судопроизводства в приоритетном порядке.

В отличие от гражданского, уголовного, административного и других классических судопроизводств, правовое регулирование которых осуществляется подробно разработанными кодифицированными актами, конституционное судопроизводство европейских государств, в том числе и Российской Федерации, регулируется краткими и подчас неполными нормами конституционного (органического) законодательства.

¹ Конституция Российской Федерации. Принята 12 декабря 1993 г. // www.garant.ru

² СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; 2014. № 23. Ст. 2922.

³ Глава IX Основного закона ФРГ «Правосудие» отсылает для более подробного регулирования процессуальных аспектов классических судопроизводств, так же как и в отношении конституционного судопроизводства, к федеральному законодателью.

В европейских конституциях уделяется гораздо больше внимания организации и функционированию не судов общей юрисдикции, а конституционных судов.

В конституциях весьма абстрактно определяются лишь отдельные принципы судебного процесса, тогда как в отношении конституционного судопроизводства положения конституций отличаются большей конкретикой.

Более подробное регулирование некоторых аспектов конституционного судопроизводства в конституции объясняется рядом факторов:

Во-первых, статусом конституционного суда, который в немецкой науке конституционного права охарактеризован как статус «конституционного органа» (Verfassungsorgan).

В соответствии с данным статусом конституционным судам, как и другим органам государственной власти, посредством конституционного регулирования отдельных аспектов их деятельности и функционирования гарантируется независимость от других органов государственной власти, обладающих таким же статусом (например, законодателя). Таким образом, определение в конституции отдельных аспектов конституционного судопроизводства служит гарантией независимости конституционных судов от законодателя.

Во-вторых, необходимостью ограничения компетенции самих конституционных судов¹.

Вместе с тем объяснение регулирования конституцией отдельных аспектов конституционного судопроизводства только лишь необходимостью ограничения компетенции конституционных судов представляется не совсем правильным. Ограничение компетенции европейских конституционных судов и судебской активности достигается не столько конституционным регулированием отдельных аспектов европейских конституционных судопроизводств, сколько конституционным установлением компетенции (органического) законодателя по регулированию порядка конституционного судопроизводства.

В органическом законодательстве любого европейского государства, посвященном организации и функционированию конституционных судов, имеются положения, закрепляющие их организационную автономию. Например, ч. 3 § 1 Закона о Федеральном конституционном суде ФРГ гласит: «Федеральный конституционный суд принимает внутренний регламент, одобряемый пленумом». Часть 2 ст. 2 Закона о Конституционном трибунале Испании закрепляет за ним компетенцию «издания регламентов, регулирующих его собственное функционирование и организацию...». Подобным образом дело обстоит во французском² и в ита-

¹ Favoreu L. Le Conseil constitutionnel regulateur de l'activite normative des pouvoirs publics // Revue de droit public. 1967. P. 5-120

² См. ст. 56 Ордонанса от 7 ноября 1958 г. № 58-1067.

льянском¹ конституционных судопроизводствах, где органический (конституционный) законодатель также наделил конституционные суды компетенцией по определению некоторых правил, регулирующих их собственное судопроизводство. Данную компетенцию они реализуют, как и другие европейские конституционные суды, посредством принятия внутренних регламентов.

Здесь следует отметить не совсем правильный, на наш взгляд, подход учредительной власти, которая, закрепив компетенцию по регулированию порядка конституционного судопроизводства за органическим законодателем, не упомянула об организационной автономии конституционных судов. Представляется, что в целях обеспечения независимости органов конституционной юстиции от других органов государственной власти полномочие конституционных судов по определению правил собственной организации и функционирования должно было быть закреплено в конституции, аналогично компетенции органического законодателя по регулированию конституционного судопроизводства².

Каким бы образом ни было закреплено полномочие конституционных судов по определению норм, регулирующих их функционирование, сам факт существования организационной автономии свидетельствует о том, что конституционные суды не являются обычными судами (т.е. судами общей юрисдикции) и обладают особой природой «органа конституционной власти».

В отличие от судов общей юрисдикции, не обладающих организационной автономией и полностью подчиненных закону как в том, что касается его применения к конкретным рассматриваемым ими делам по существу, так и в том, что касается их функционирования (т.е. процессуального права, которое они применяют), конституционные суды обладают повышенными гарантиями независимости, которые, как уже отмечалось, частично выражаются в возможности устанавливать правила собственного судопроизводства. Таким образом, если суды общей юрисдикции полностью подчинены процессуальному праву, определенному законодателем, то конституционные суды лишь частично подчинены процессуальному праву, определенному учредительной и законодательной (органической) властью. Им предоставлены значительные полномочия по установлению правил собственного судопроизводства, что является одной из гарантий независимости органа конституционной юстиции.

¹ См.: Ricci R. Le procés constitutionnel en Italie, l'élaboration d'un droit processuel constitutionnel. Marseille, 1996. P. 40.

² Нуриев Г.С. Европейская модель конституционного судопроизводства: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 154.

Природа организационной автономии не является судебной, так как подобной автономии нет у других судебных органов¹. Для того чтобы ее понять, необходимо еще раз обратиться к немецкой теории, объясняющей природу конституционного суда как конституционного органа, которая была разработана Федеральным конституционным судом ФРГ.

Конечно же, в любом из рассматриваемых конституционных судопроизводств организационная автономия конституционных судов ограничена полномочиями органического (конституционного) законодателя², обладающего компетенцией по определению некоторых, наиболее общих правил организации и функционирования конституционных судов, но все же остается недостаточно урегулированной учредительной властью и органическим законодателем, что объясняет позицию Федерального конституционного суда ФРГ, рассматривающего себя в качестве хозяина своего судопроизводства³.

Вместе с тем подобной организационной автономией обладают другие (несудебные) органы государственной власти, например палаты парламентов, так как конституционное и органическое законодательство определяет правила их организации и функционирования. Таким образом, организационная автономия присуща высшим органам государственной власти, статус которых определяется конституционными положениями. Органы, обладающие таким конституционным статусом, не могут не обладать организационной автономией, так как организация государственной власти и принцип разделения властей на данном уровне правопорядка предполагают наличие гарантий независимости данных органов друг от друга.

Признание за конституционными судами полномочия по принятию внутренних регламентов (*Geschäftsordnung*, *reglement intérieur*, *reglamentos*), свидетельствующее об их статусе «конституционного органа власти», представляет собой особенность регламентации конституционного судопроизводства в европейских странах. В рамках классических судопроизводств судебные органы не вправе самостоятельно принимать нормативные акты, регулирующие их деятельность.

Некоторыми странами конституционный суд официально не отнесен к судебной власти. Так, в Законе о Конституционном суде Республики Болгария содержится норма, устанавливающая, что Суд независим от законодательной, исполнительной и судебной властей. Статус Конституционного суда Республи-

¹ См.: Шинкарецкая Г.Г. Тенденции развития судебных средств мирного разрешения международных споров. М., 2009.

² См.: Schlaich K., Koriath S. *Das Bundesverfassungsgericht. Stellung, Verfahren, Entscheidungen*. München, 2007.

³ Нуриев Г.С. Европейская модель конституционного судопроизводства: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 155.

ки Болгария установлен в отдельной главе Конституции. В решении от 16 декабря 1993 г. № 18 Конституционный суд Болгарии подчеркнул, что он не является составной частью судебной системы, находится вне трех ветвей власти и осуществляет свою компетенцию независимо и наряду с руководящими органами этих ветвей власти¹. Организация и полномочия органов конституционного контроля Италии, Испании, Венгрии также регламентированы отдельными главами Конституций.

Таким образом, статус конституционного судопроизводства в европейских странах определяется в конституционном и законодательном порядке. В России это реализовано интегрально.

Макогон Борис Валерьевич

доцент кафедры конституционного и муниципального права

Юридического института НИУ «БелГУ»

кандидат юридических наук

(Белгород, Россия)

СТАДИИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

«Взятые в своем нормативном аспекте, социальные институты распределяют роли и функции, формируют статусы, указывающие, что может или должен делать субъект, содержат определение прав и обязанностей, т.е. возможностей действовать в правовой, политической, моральной, религиозной и других сферах. В юридических институтах фиксируются формы общения и схемы взаимодействия, выражающие расстановку субъективных прав и юридических обязанностей, подлежащих реализации в самом общении и взаимодействии людей»

(Г.В. Мальцев²)

Применение норм права видится значимым элементом юридической инфраструктуры праксиологической составляющей процесса определения и укрепления пределов деятельности публичных властных субъектов³.

¹ См.: Опря О.В. Конституционный суд Республики Болгарии // Журнал российского права. 2002. № 9. С. 131-132.

² Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 436.

³ О процессуально-ограничительном регулировании и укреплении юридических пределов деятельности субъектов публичной власти читай подробнее: Макогон Б. В. Процессуально-правовые ограничения как атрибут деятельности властных субъектов. Монография. – Москва: Юр-ВАК, 2013. – 210 с.; Макогон Б. В. Конститутивные виды ограничений функционирования публичных властных структур